

«Гражданин» 1894, 3 января № 3
Литературно-критический фельетон

Произведений в сущности замечается то же самое явление. Писателей у нас, конечно, еще больше, чѣмъ повѣсть. Журналовъ у насъ довольно много, да они къ тому же и плодятся годъ отъ года, и въ каждомъ изъ нихъ нѣтъ недостатка ни въ романахъ, ни въ повѣстяхъ и разсказахъ—скорѣе даже наоборотъ, редакціи такъ заваливаются рукописями, что многимъ авторамъ вынуждены отказывать въ помѣщеніи ихъ произведеній. Прибавьте къ этому наши иллюстрированные журналы, которые растутъ во множествѣ, какъ грибы послѣ дождя, и «потребляютъ» невиданное количество всякой беллетристической пищи; не забудьте при этомъ, что и газеты стараются нерѣдко помѣстить своихъ читателей повѣстужкой или разсказцемъ,—сообразите все это, и окажется, что у насъ очень много писателей, и можетъ быть, никогда еще у насъ не было столько писателей и столько беллетристики, сколько въ настоящее время. И опять таки, нельзя сказать, чтобы это были сплошь бездарности. Многие изъ нихъ умѣютъ отлично разсказывать—занимательно, а иногда и образно. И тѣмъ не менѣе рѣшительно невозможно указать ни одного произведенія, которое не прошло бы совершенно безслѣдно.

Волею судебъ мнѣ приходится перечитывать, по крайней мѣрѣ, десятъ къ ежемѣсячнымъ журналамъ, которые не напрасно называются «толстыми»—если не качествомъ, то количествомъ они берутъ. И вотъ, окидывая взглядомъ весь годъ, не могу припомнить ни романа, ни повѣсти, что стоило бы помянуть добрымъ словомъ. Не говорю уже о томъ, что въ продолженіи цѣлаго года не было случая, чтобы какъ нибудь произведение надѣлало шуму, вызвало восторженные отзывы или ожесточенныя нападки: это время—время расцвѣта литературы, когда жили «своеправные чародѣи», которые своихъ читателей «волновали и мучили»—это время давно миновало; нѣтъ чародѣевъ, и литература вышедшая не только мучить, но и вволновать не способна. Но хоть что нибудь...

Мелькнулъ Чеховъ съ нѣсколькими бездѣльными разсказами. Выдающимся является попытка проникнуть въ глубь, обаять и осмыслить одно изъ интерес-

нѣйшихъ явленій нашего недавняго прошлаго («Разсказъ незнакомца»), но попытка не увѣнчалась удачей и осталась странное и смутное впечатлѣніе. А затѣмъ тотъ же писатель появился уже въ качествѣ этнографа и путешественника, какъ будто не доверяя больше своему творческому таланту. Ничѣмъ не давъ о себѣ знать другой даровитый писатель—г. Короленко, если не считать случайныхъ замѣтокъ о годномъ годѣ, которые, если и имѣютъ нѣкоторое значеніе, то во всякомъ случаѣ скоропреходящее. Даже и Глебъ Успенскій, въ которомъ сквозятъ всевозможныя наслоенія разныхъ теорій айти-итѣ да и пробивалось живое слово, живая творческая мысль,—умолкъ. Наконецъ, неистощимый, казалось, источникъ всевозможныхъ романовъ и повѣстей, которымъ отличался доселѣ П. Д. Боборыкинъ,—и тотъ повидимому изсякъ: по крайней мѣрѣ, за этотъ годъ почтенный послѣдователь Зола ничѣмъ не правилъ себя, если не считать весьма плохо задуманной и посредственно выполненной комедіи изъ русско-американскихъ нравовъ.

А затѣмъ... Что же остается затѣмъ? Гг. Мачетъ, Потапенко, Маминъ-Сибирякъ—Маминъ Сибирякъ, Мачетъ, Потапенко и т. д., эти почтенные три мужа съ прибавкой къ нимъ, пожалуй, г. Салова—и составляютъ альфу и омегу нашей беллетристики, ея гордость и украшеніе. Такъ вѣдь это ужъ по-длинно послѣднее дѣло, потому что во всемъ этомъ триумвиратѣ и даже съ прибавкой г. Салова—меньше ума, знаній и таланта, чѣмъ въ какомъ нибудь второстепенномъ писателѣ минувшей эпохи—хотя бы, напримѣръ, въ А. Н. Плещеевѣ, котораго похитить истекшій годъ.

Не въ лучшемъ положеніи находится нашъ театръ. Въ прошломъ году, какъ и вообще въ послѣдніе годы, онъ пропадаетъ такими новинками, которыя собственно до значенія театра, какъ художественнаго института, какъ школы высокаго и прекраснаго, не имѣютъ рѣшительно никакого отношенія. Либо все дѣло сводится къ модной идейкѣ, которая и вся-то съ курьезной поспѣшностью, а между тѣмъ размазывается на всѣ лады; либо весь центръ тяжести переносится на любовитную обстановку,

М. Южнинъ

(М. Г. Зельмановъ)